

* * *

В утлом мире, где царствует случай,
Где сплошные прорехи в судьбе,
Эта странная сила созвучий
Почему-то нас тянет к себе.

Рифма сладкая тянет магнитом
Как стальные опилочки, нас.
Видно, тайна какая-то скрыта
В сочетании звуков и фраз.

Как загадочно ты, мирозданье!
Плеск леща, соловья щебетанье.
И себе задаю я вопрос –
Почему же Святое Писанье
Без мучительных рифм обошлось?

* * *

Заросли черемухи душистой
Над оврагом девственным, немым,
Этот Символ Веры пацифиста,
Веры той, что вечно будет с ним.

Этот запах приторный, щемящий,
Сладкий, оглушительный, родной,
Порожденье жизни настоящей –
Трепетной, минутной, шелестящей,
Шелковой, ажурной, кружевной.

Порожденье жизни целокупной –
С шумным плеском плоского леща,
С грохотом грозы сиюминутной,
С шелестом осины шелопутной,
Что живет в своей тревоге смутной,
На ветру холодном трепеща.

С небом перламутровым и мгlistым,
Где струится птичий звукоряд.
Заросли черемухи душистой,
Мокрой, мягкой, нежной, серебристой
Мне о Вечной Жизни говорят.

* * *

Я книгу взял на озеро. Она
В моем пакете так и провалялась.
Виной тому – сирень и бузина,
Жасмин цветущий, и такая малость,

Как длинная болотная трава,
Названия которой я не знаю.
К тому причастна неба синева
И облака, ребристые по краю.

И предо мной предстала жизнь моя,
Что прожита уж явно на две трети.
Пусть не раскрыта тайна бытия,
Мне кажется, не зря я жил на свете.

Гражданский кодекс рыжих муравьев
Я соблюдал, я был одним из прочих
Упорных собирателей основ,
Родного языка чернорабочих.

Привитый от наносной чепухи,
Журнальной зарифмованной заразы,
Я был уверен, что мои стихи
Поймут и лягушонок пучеглазый,

И ящерка, и юркий плавунец,
Притихший в ожидании рассвета.
...Я был не худший на дуде игрец!
Пускай их примет на худой конец
Хоть мусорная яма Интернета.

Портрет Менделеева я прибивал
К стене в кабинете химическом. Смело
Стучал по гвоздям. Я давно понимал,
Что главное в жизни – серьезное дело.

Там уксусом пахло, и ржавый карниз
Скрипел от молочного школьного счастья.
И видя, как падают гвоздики вниз,
Смеялась всю сексапильная Настя.

Стучал, не жалея ни стен и ни рук.
В столовой варилась противная манка,
Дешевым портвейном пропах военрук,
И «Красной Москвой» – директриса-тиранка.

Их нет уже с нами. Божественный Свет
К себе обратил их заблудшие души.
Хотел бы вернуться я в тот кабинет?
Вопрос на засыпку. Наверное, нет,
Боюсь я идилию эту нарушить.

Пусть уксус останется, и водород,
И Дмитрий Иванович на старой картинке.
Все кончится скоро, и Брежнев умрет.
И граждан поглотят оптовые рынки.

Когда ж, через несколько рваных годов,
Посыплются с башен багряные стяги,
Я вспомню вожатую, клич «Будь готов!»
...Смешно, но остался я верен присяге.

В Шпандау, крепости ребристой,
Я на сухой траве лежал,
И надо мною воздух чистый
Слегка слоился и дрожал.

Молчали каменные плиты.
И Богу задал я вопрос:
«Mein Vater, sagen Sie mir, bitte,
Давно ли горе началось?»

И протестанский Бог ответил,
Что в войнах вовсе нет вреда,
Что обязательны на свете
Страданье, горе и беда.

Что если б сёла не горели
И не взрывали бы метро,
Тогда бы люди не сумели
Понять, где зло, а где добро.

А с неба лился чистый, вечный,
Мучительный, слоистый свет.
Он был лучистый, бесконечный,
А горя в этой дали млечной
Казалось, не было и нет.

О смертном зная приговоре,
Я все ж не плачу, а живу.
...Mein liebe Gott, возьмите горе!
Сухую дайте мне траву!

* * *

Хорошо быть свободным поэтом!
По тропинкам блуждать луговым.
Нескончаемым солнечным летом
На охоту ходить за сюжетом,
За доверчивым словом живым.

Это самая лучшая доля!
Ах, как ухают в роще сычи!
Хорошо ли искать ветра в поле
Или спонсора в русской ночи?

Я хожу по лугам и болотам,
Где камыш до звезды достает.
В нашем слове есть тайное что-то –
Восприимчивость к высшим частотам,
Византийский загадочный код.

Я хожу, ощущая с годами
Свой особый, причудливый путь.
...Если песенный дар тебе дали,
Остальное ты должен вернуть!

Разнотравья непризнанный гений,
Захудалый сорняк чистотел
Государственной тайны растений
Мне никак выдавать не хотел.

Он на солнце глядел – вечный идол –
Прославляя свою колею,
Но однажды не выдержал, выдал
Тонкоствольную тайну свою.

И держа словари наготове,
Погружаясь в родной перегной,
С чистотелом мы братья по крови –
Мы повязаны тайной одной.

* * *

Всех выскочек и ловких парвеню,
Торгующих свининой алексашек,
Орловых гришек, горничных агашек
Из русской тьмы не вырвать на корню.

До трапезы вольно им почивать
И ставить в ряд услужливых лефортов,
Покуда будет пить и пировать
Усатый черт в заляпанных ботфортах.

Шуты, шутихи, карлики, цари –
Они все вместе в общей грязной своре
О смертном и не знают приговоре –
Они ничтожны, что ни говори.

Как тошно здесь! И видно за версту
Притихшую на листике козявку.
Надев очки, она читает Кафку,
И чупа-чупс шевелится во рту.

Как ты противен, пошлый маскарад!
Свиные морды, гадкие корыта.
И только затонувший Китеж-град
Еще тревожит тайной нераскрытой.

Зимних сумерек синие краски.
Час пройдет – не увидишь лыжню.
Жизнь прошла в суете да в опаске.
Жили наспех, не верили в сказки
И рубили мечты на корню.

И рубили мечты, словно мачты,
Так неловко крутили штурвал,
Пока гладил нас крупнонаждачный
Айвазовский чудовищный вал.

Перестрелка, больничная койка,
Писки, иски, судебный бедлам.
Как неловко же ты, перестройка,
Проскакала по нашим телам!

Венский гуру восстал из могилы,
Чтоб разгадывать вещие сны
Этой бешеной сивой кобылы,
Что вчера нажралась белены.

Отрывайся, крапивное семя!
Пей-гуляй на шнифтах у мента!
...Полчетвертого. Детское время.
Близорукий январь. Темнота.

ГАДАНИЕ РУССКОМУ ПЛЕННОМУ. ВЕНА, 1918

Скользит под юбкою колено
У австриячки молодой.
«Вы погадаете, Мадлена?
Смотрите, как нависла пена
Над тазом с мыльной водой!»

Мадлене нравится вниманье.
И, в предвкушении гаданья,
Всю пену вылила в Дунай.
«Тебе, красивый русский Ваня,
Без деньги буду я гадай!

В России жизнь теперь двоятся –
Владимир справа, слева – Лев.
И ваша кровь для них – водица.
О, с ними лучше не водиться!
Ты мог бы жизнью насладиться
В Череповце, у Дамы Треф.

О, сколько зависти на свете!
Кругом шестерки – посмотри!
Тебе совсем не будет дети,
Но дамы будет сорок три.

А смерть скорей всего от пули.
Ну да, пробита голова.
Казенный дом. Конец июля.
Знамена. Лозунги. Москва.

Король Червонный. Сколько света!
Священна к родине любовь!
Но у Бубнового Валета
На алебарде ваша кровь.

О Ваня! Не беги из плена!
В Москве крамола и измена,
Там каждый миг грозит бедой!»
«Довольно сказок нам, Мадлена!»,
Воскликнул русский молодой.

В конце июля он родился
И помнил нянюшку в чепце,
Как он читать, писать учился
У дьякона в Череповце.

Он так любил в полях ромашки
И стрекозу на рукаве
Домашней клетчатой рубашки,
И треск кузнечиков в траве!

Весь мир июльской полон жажды!
Как набухает в поле рожь!
Но было сказано, что дважды
В одну ты реку не войдешь.

И в мире, где так мало света,
Где никаких не будет тайн,
Он много раз припомнит это –
Гаданье, Вену, Madelein,

Дунай извилистый и мглистый,
Притихший валъс и темный храм,
И в садике жасмин душистый...
...Вот и закончен путь кремнистый –
Арест, Лубянка, девять грамм.

* * *

Душою Божьи, а телом – княжьи.
Здесь бездорожье, одноэтажье.

Штакетник хилый, петух понурый,
Кривые вилы, худые куры.

Рыбачья леска да плоскодонка.
Гниет подвеска у жигуленка.

В раздольном поле одна полова.
У тети Поли мычит корова.

Нас не погубят американцы.
В заштатном клубе сегодня танцы.

Стопою твердой идем мы к рынку.
Засунь-ка, гордый, подальше финку.

Мы телом княжьи, душою – Божьи.
Одноэтажье и бездорожье.

* * *

Я деньги на книжку просил у него.
А он на меня как баран на ворота
Смотрел, был не в силах понять ничего,
И чувствовал я неприятное что-то.

Я помню его опечаленный вздох
И выдох, и щечек бордовые пятна.
И был для него я не лузер, не лох,
А некий игрок, чья игра непонятна.

И был для него я заштатный хитрец,
Солидных людей разводящий на бабки,
Такой же, как он, прохиндей-удалец,
Для виду одетый в плебейские тряпки.

«Конечно, культура нам тоже нужна, –
Промямлил он вяло, – но все ж, извините,
(Зачем ты пришел к нам, какого рожна?!)
Так трудно с деньгами... А впрочем, звоните...»

Звоните, звоните... Стальные стрижи
Безмозглое небо стригут спозаранку,
И в сердце втыкают стальные ножи.
А много ли надо сегодня подранку?

Среди узаконенной русской трухи
Живешь абы как, не скрывая опаски,
Не в силах отвлечься от той чепухи,
Что в книжках должны появляться стихи
И пахнуть всегда типографскою краской!

Я помню, коллега мой старший, в Кремле,
Над Волгой замерзшей (а впрочем, звоните!),
Немного смущаясь, показывал мне
На строчки свои, что блестят на граните.

Под снегом белел отрешенно обком.
Снежинки кружились и падали наземь.
И всё мне казалось – меж тем стариком
И этими строчками не было связи.

Он умер недавно. Я тоже умру.
О, как далеко нам до славы народной!
Но как притягательна жизнь на миру!
Как жалко дрожали на зимнем ветру
Тесемки от шапки его старомодной!

Ау, гонорары! Не стоит тужить,
Что канули в вечность багряные флаги.
Ведь жизнь не закончилась! Можно прожить
Без слов на граните, без книжной бодяги.

За печкой трещит колченогий сверчок.
И что ему мир нуворишей и выжиг?
Он песнею счастлив своей, дурачок,
И нет ему дела до спонсорских книжек.

* * *

Что, Эвтерпа, ты шепчешь мне в ухо?
Погоди, я достану блокнот.
Вороха тополиного пуха
Буйный ветер по пляжу несет.

Мы с тобою вдвоем не случайно
В этот час на речном берегу.
Есть меж нами особая тайна,
Я ее ото всех берегу.

Трав июньских размах и невинность.
Ежевичный причудливый склон.
Не моя в этом, право, провинность,
Что отметил меня Аполлон.

Не моя в этом, право, заслуга,
Что я пил из кастальской струи,
Что на ухо шептала подруга
Сладкозвучные строки свои.

Очаруй меня сорной половиой
И заgrabной коврижкой медовой,
И пахучей болотной травой.
На сиринге своей тростниковой
Просвисти над моей головой.

* * *

Даже август – и тот изменил.
За минутой проходит минута.
Ни тепла, ни изломанных крыл
Стрекозиных, лишь баба Анюта

Вспоминает, что в сорок восьмом
Было нечто похожее вроде –
Мрачный август, разрушенный дом
И одна лебеда в огороде.

И на сонной реке рыбаки
В лыжных шапках, бомжовского вида
На цветные глядят поплавки.
Первый скажет: «Такая планида

У России». Второй промолчит.
Ну а третий, глотнув для сугрева,
Еле слышно под нос пробурчит:
«Не боимся мы Божьего гнева».

А четвертый, прокуренный лох,
Проскрипит, не справляясь с зевотой:
«Русский в скачке довольно неплох –
Запрягает всегда с неохотой».

Нам бы только поправить плетень,
Что свалил стоеросовый пень,
Пьяный ельциный черт поросячий».
И холодный кончается день
В медитации этой рыбачьей.

* * *

Сугробом мартовским обмякла
Бедняжка память...Что скрывать!
Двенадцать подвигов Геракла –
И те я начал забывать.

А здесь, в музее бесподобном,
Где всюду мрамора куски,
В каком-то трепете утробном
Стоял у каменной доски.

Двенадцать маленьких квадратов –
И в каждом страсть, надежда, пыл.
Я был отличником когда-то
И мифологию любил.

Я, почитатель древней пыли,
В античной мраморной могиле
Стоял, молчание храня.
Мне ощущенья говорили,
Что все квадраты – про меня.

О, сколько времени клепсида
С тех пор отмерила! Боюсь
И сосчитать...С лернейской гидрой
Я до сих пор еще борюсь.

Она всё видит и всё слышит,
Стучит в ментовку на подруг,
Она огнем болотным дышит,
Она детей своих пропишет
В чужих квартирах, и каюк.

Не буря в чашке и в стакане,
А горе, слезы и беда.
Поимку керинейской лани
Я не забуду никогда.

Круглы, вальяжны и здоровы,
Мычат на радость детворе
Чадолубивые коровы
У Гериона на дворе.

Был путь коварным и неблизким –
Дожди, распутица, туман.
Я видел даже Сан-Франциско!
Смотрел на Тихий океан.

От страха, боли пламеня,
Дошел, по воле Эврисфея
До самых западных границ.
...Но почему-то всех страшнее
Изгнание стимфалийских птиц.

О, я б отдал богатства Креза,
Что б никогда не видеть их!
Болят, болят мои порезы
От стимфалийского железа
Их перьев острых и сухих.

* * *

Как-то раз – без друзей, без подруг,
В пятом классе – прыщав, близорук,
Шел по школе вечерней устало.
Вдруг услышал загадочный звук
Из спортивного темного зала.

Я не понял, откуда возник
Этот женский задавленный крик,
Эта скорбная гулкая нота.
И почудилось мне в этот миг,
Будто в зале душили кого-то.

На двери был открыт шпингалет
Изнутри, и, пройдя туалет,
Я споткнулся о швабры и квачи.
И, о Боже ! Какая тоска!
Я увидел лицо физрука
И вожатую в позе собачьей.

Как кобыла, что рвет удила,
Первобытна, свежа, весела,
Задыхалась вожатая Люба,
И в открытое море плыла
Под напором стального крыла
Своего физрука-женолюба.

И стонала в умелых руках,
Позабыв осторожность и страх,
Словно рыба, о палубу билась.
Даже блузку свою впопыхах
Расстегнуть до конца поленилась.

За окном бушевала гроза,
И визжали машин тормоза,
И скрипели открытые двери.
Он тогда посмотрел мне в глаза,
Ничего не сказал... и поверил.

Гулкий звук баскетбольных мячей
Променял я на крики грачей.
С физруком я давно не лукавил.
Я часами гулял по двору
И плевал свысока на физру.
А «нб» он мне даже не ставил.

И, лелея грачиное «карр»,
Ощущал поэтический дар,
Но не знал я, малец белокурый,
Что от рифмы я буду дрожать.
Не с вожатой придется лежать,
А с Эвтерпою строить амуры.

Тяжело мне давалась строка,
Что была и светла, и легка.
Заплатил я за это сторицей.
Не пришло бы в башку физрука
Баловаться с парнасской жилицей!

Не смотри, что везде нагота!
Не для всех приоткрыты врата,
Это всё по-девчоночьи узко.
Не горячая Люба твоя –
Красный галстук, прозрачная блузка.

Пролетели не годы – века.
Оказалась мне жизнь велика,
Словно бабушки старая шуба.
Ты со мною, родная строка.
...Я не выдал того физрука.
Я не выдал вожатую Любу.

* * *

Был день осенний хмурен и тяжел.
Шел мелкий дождь, как из аэрозоля.
За станцией – обобранное поле
И на корню прогнивший часток.

Что было там – пшеница ли, овес –
Не помню я. Запомнил ряд осинок
И стайку облетающих берез,
И мокрый, в мелких лужицах, суглинок.

Казалось, в этом поле я один
Да друг мой ветер, что ребрист да гулок.
Как славно, что себе я господин –
Поэт, фанат бессмысленных прогулок.

В какой-то миг, от холода дрожа,
Стал думать о тепле и позднем часе,
Но вдруг заметил дряхлого бомжа,
Сидящего на выцветшем матрасе.

«Полтинник одолжил бы мне, братан, –
Он мне прошамкал. – Поддержал бы друга!
Без опохмелки мне сегодня туго».
В руке дрожал макдональдский стакан.

Я добрый. Как ему я откажу –
Забитому, забытому, больному,
Небритому российскому бомжу,
К тому ж еще до одури хмельному?

Осенний день карабкался во тьму.
И, впечатленный встречей с доходягой,
Я сам не знаю даже, почему
Дал ровно пятьдесят, одной бумагой.

Конечно, не из скарденности... Пусть
Поступок мой психолог объясняет –
Фрейд, Адлер, Юнг, – который понимает,
Откуда наша радость или грусть.

И я, предметом каждым дорожа,
Внимательный ко всем деталям быта,
Запомнил шапку лыжную бомжа
И надпись криво вышитую: «Рита».

А может, «Пума», если посчитать,
Что графика у букв была другая,
Латинская. А впрочем, наплевать –
Не Рита, значит, девушка другая.

«Пойдем, Чубайс», – прибавил он потом,
И тут-то я увидел, как из мрака
Вдруг появилась рыжая собака
И завиляла ласково хвостом.

Нарушил рощи выцветшей покой
Звук электрички, суетно гремющий.
До станции уже подать рукой!
...И я не видел связи никакой
Меж этим псом с Чубайсом настоящим.

Я с детства лишь с рифмовником дружу
И в облаках полуденных витаю.
Моя рука не тянется к ножу.
И вкладчикам обиженным скажу –
Чубайса я злодеем не считаю.

И в том, что от России он далек
И русским совершенно не понятен,
Не виноват!.. С того ль он неприятен,
Что у него тяжелый кошелек?

У нас всегда то дождь, то снегопад.
Пойди, найди хорошую погоду!
В крови у русских это было сроду:
Что б ни случилось – рыжий виноват!

В чем дело, братцы? В русской ли беде,
Что непонятна в обществе свободном?
Чубайс в России – как бензин в воде –
Всегда он будет телом инородным.

Но где же ты, особый русский путь?
В снегу бескрайнем можно утонуть
Среди бомжей, барыг и негодяев.
Какой такой взыскательный Бердяев
России вскроет истинную суть?

Живу, пишу, минуте каждой рад.
И не склоняюсь к темноте и мраку.
Но почему-то столько лет подряд
Я вспоминаю ветер, листопад,
Матрас, бомжа и рыжую собаку.